

Я не люблю петь под рюмку водки

Давка в метро. У станции — шумный рынок. Едкий запах бензина на автостоянке. Неумолчный гул и суета огромного города. Все это остается за порогом, когда попадаешь в дом к певцу Юрию Березину. Дом! Громко сказано про маленькую однокомнатную квартирку. Но для него, когда-то раннего сироты и детдомовского мальчишки, а потом много лет гастролирующего бездомного артиста, этот первый обретенный к 40 годам его дом — его крепость.

Мягкие уютные кресла, серо-розовые гобелены, белоснежная постель — здесь... чисто. Чуть не сказала: сухо! Скоро мы все заговорим словами въедливой, навязшей в ушах рекламы. Но в гостях у Юрия Березина, как нигде забываешь про телевизор и памперсы... с перхотью, про городское многолюдье, про грубость и вульгарность окружающего мира.

— Не будем говорить про детский дом. Тем более что сейчас многие этим спекулируют. И про режиссерскую профессию. И про выступления в Париже. Об этом уже писали.

— **Хорошо. А о чем будем разговаривать?**

— О стихах. О музыке...

... Всегда мечтательно настроен

Я жизнь мечтаньям предаю.

Я — не делец, не франт, не воин,

Я лишь пою, пою, пою...

— Это Игорь Северянин, но это про меня...

Я всегда много читал. Но когда набрел на поэзию Серебряного века — Марину Цветаеву, Максимилиана Волошину, Игоря Северянина, Александра Вертинского..., понял: это мое.

— **А Блок?**

— Вы угадали, вот книжка стихов Александра Блока лежит рядом со мной. Но это такая глубина и тайна, я к ней пока боюсь подступаться. Послушайте: «Давно мне не было вестей, но были шорохи и стуки...», — я в этом многое слышу. А собственная эмоция, какая нужна для рождения песни, еще не возникла...

Юрий Березин — поет стихи, думает и чувствует стихами, живет их миром. В собственном доме в скромном домашнем костюме с книжечкой стихов в руках, наливающий мне чай, он выглядит обычным интеллигентным книжником.

Но когда он появляется на эстраде в длинном пальто и черной широкополой шляпе, он как бы перемещается в пространстве и времени ближе к выбранному им поэтическим строкам и образам, сливается с тенями минувшего и их голосами.

Песни Березина звучат, казалось бы, странно, перенесенные почти на столетие вперед. Но есть в них и нечто завораживающее! Ведь они о вечном: о жизни и смерти, о любви и разлуках. О мгновениях счастья. О недостижимости идеала. О вечном поиске красоты.

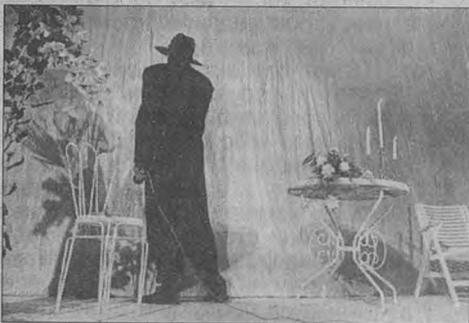
— И в начале века было то же, что и сейчас: и усталость общества, и война, и пьянство, и кокаин. Но как бы по контрасту рождались и дивные стихи. Помните одно из программных заявлений символистов: «Я беру кусок жизни, грубой и ненужной, и делаю из него леген-

ду». В этом лозунге мне слышится не только призыв устраниваться от жизни, но и требование доброты. Принесите в мир забот и боли поэзию, музыку, идеал и гармонию!

Конечно же, образ последнего романтика — условный, придуманный образ, или, как принято нынче говорить, сценический имидж. Но он рождается от соответствия подлинной натуре, от близости с собой самим. На сцене должна быть личность, зритель всегда это отличает. Костюмчик не поет. Как говорила Эдит Пиаф: артистов много, личностей мало! А стать личностью — это задача на всю жизнь.

— Я, чем больше живу, тем не легче, а труднее мне становится на сцене. Осознаешь свою все большую ответственность. Нельзя выносить пустяки, мелочность в себе. Надо строить, заполнять себя. В этом году у меня 20 лет работы на эстраде. О многом думаешь на рубеже. Эксклюзивным делом заниматься непросто.

Есть ремесло и есть творчество. Никогда не работаю в ночных клубах. Я этого не люблю — петь под рюмку водки. Нет, я никого не осуждаю. Просто мне необходимо видеть глаза людей, которые меня понимают. Сегодня мно-

гие перепутали сцену и подиум для демонстрации моделей. Это — разное. Набоков как-то сказал: мода — удел невежественных людей. Сегодня ты в моде, завтра тебя выбросили... Боже упаси!».

У Юрия Березина вышло за последние 2 года 2 лазерных диска. 3 телевизионных фильма, которые он делает с режиссером Светланой Аннапольской. Он вообще считает, что отнюдь не сам себя сделал как артист и как личность. Сам себя сделал, как говорят многие,

для него означало бы обыкновенное интеллигентное хамство, он любит и часто пользуется этим понятием. «Артист — это его окружение, его друзья», — полагает Юрий. И очень ценит дружбу с Аннапольской, с композитором Владимиром Матецким, с Аллой Баяновой, дорожит ее не только профессиональными, но и человеческими уроками.

В нем вообще, как я заметила, силен драгоценный для меня самый комплекс провинциала, столичным жителям это не очень свойственно: благодарность за помощь, жажда серьезных наполненных общений, стремление к серьезной образованности. А Юра снова читает и поет мне дивные стихи:

...а ты, как в бури снасть на корабле,
трепещешь мной,

но не придешь ты снова.

В твоей любви нет ничего земного.

Такой любви не место на земле.

— **Юра, вы, кажется, живете в воздухе, напоенном любовью, но — один?!**

— У меня была жена, замечательная, умная, красивая женщина, мы и по сей день общаемся, у нас прекрасные отношения. Но для творческого человека невозможно, чтобы в доме был второй человек. Для меня творчество предполагает крест одиночества. Хотя, как же я один?! Есть большая реальная жизнь, работа, цветы, гости... Но они придут и уйдут. А остаются стихи и музыка, и мне этого достаточно. Любить женщину, ребенка, свою работу — это величайший труд и величайшая ответственность. Не все это понимают. А для меня все и всерьез было бы несовместимо.

Вот я уже дома. Вспоминаю мою встречу с Юрием Березиным. Пишу о нем статью.

Звучит, наполняет комнату причудливая поэзия Игоря Северянина в исполнении Юрия:

В ландо моторном,

в ландо шикарном

Я проезжаю по островам.

Кому бы бросить наглее дерзость?

Кому бы нежно поправить бант?..

Кажется, эстетские, вычурные стихи, не умещающиеся в сегодняшние реалии. Но кто сказал, что искусство — всегда порождение жизни. А не контраст ли ей? Не поиск иных миров и измерений...

Анна КУЗНЕЦОВА

Фото Андрея СЕМАШКО

Березин Юрий — 1997. — 14 окт. — с. 5.